



*Памяти моей матери
Жаклин Сайкс Гэблдон,
которая научила меня читать*

Люди исчезают постоянно. Спросите об этом у любого полицейского. Или лучше у журналиста. Для журналистов исчезновения — их хлеб. Молодые девушки убегают из дома. Дети уезжают от родителей и не возвращаются. Экономки поддаются искушению и, прихватив хозяйские деньги, прыгают в такси до вокзала. Биржевые игроки меняют имена и скрываются в клубах сигаретного дыма. Многие из пропавших находятся. Так или иначе. Живыми или мертвыми. Исчезновения в конце концов получают объяснение. Как правило.

ЧАСТЬ 1

Инвернесс, 1945 год

Глава 1

НОВОЕ НАЧАЛО

Это было не особенно подходящее место для исчезновения, по крайней мере на первый взгляд. Апартаменты миссис Бэйрд не отличались от тысячи других пансионов в горной Шотландии 1945 года, опрятных и тихих: обои в цветочек, полы, натертые до блеска, в ванной надо опустить монетку, чтобы пошла горячая вода. Сама миссис Бэйрд оказалась маленькой и очень подвижной пышкой; ее нисколько не беспокоило, что Фрэнк разбрасывает книги и газеты — без которых не мыслит своей жизни — по ее крошечной гостиной с обоями в мелкую розу.

Я встретила миссис Бэйрд в передней перед выходом. Она ухватила меня за рукав и потянулась к моим волосам.

— Миссис Рэндолл, это возмутительно — показываться на люди с такой головой! Подождите, я немного приведу вас в порядок. Ну вот, уже лучше. Моя кузина рассказывала, что сделала перманентную завивку по новой технологии, выглядит великолепно и держится как надо. Может, и вам стоит попробовать...

У меня не хватило духу признаться, что мои непокорные каштановые кудри — каприз природы, а не результат небрежности парикмахеров. Волосы миссис Бэйрд, уложенные аккуратными волнами, свидетельствовали о том, что к ее прическе отнеслись со всей серьезностью.

— Я непременно так и сделаю, миссис Бэйрд, — соврала я. — Я иду в деревню, мы договорились встретиться там с Фрэнком. Вернемся к чаю.

Выскочив за дверь, я быстро зашагала по дорожке, пока хозяйка не нашла в моем внешнем виде еще какие-нибудь недочеты. Четыре года прослужив медсестрой в Королевской армии, я радовалась отсутствию формы и с удовольствием носила светлые хлопчатобумажные платья, совершенно неподходящие для прогулок по вересковым пустошам. Не то чтобы прогулки подобного толка были мне очень интересны; мечты мои устремлялись совсем к другому: утром спать подольше, а вечера проводить в постели с Фрэнком, но уже не спать. Однако этот романтический план раз за разом проваливался из-за рвения и постоянства, с каким миссис Бэйрд пылесосила прямо у нас под дверью.

— Должно быть, это самый грязный ковер во всей Шотландии, — к такому выводу пришел Фрэнк этим утром, когда в прихожей спозаранку взревел пылесос.

— Почти такой же грязный, как воображение нашей хозяйки, — согласилась я. — Может, нам стоило поехать в Брайтон.

Нам выпал шанс отдохнуть перед тем, как Фрэнк вступит в должность профессора истории в Оксфорде, и выбрали Шотландию из-за того, что ее меньше других областей Британии коснулись ужасы войны, а лихорадочная веселость послевоенного времени охватила ее не в той степени, как многие другие курортные места. Кроме того — хоть мы и не произносили этого вслух, — для нашего брака горы Шотландии имели некое символическое значение; мы поженились семь лет назад и именно в Шотландии успели провести два дня медового месяца, перед тем как разразилась война. Мирное прибежище, где мы вновь обретем друг друга, — так мы думали, несколько упустив из виду, что если гольф и рыбалка — наиболее популярные виды спорта на открытом воздухе, то в закрытых пространствах здесь предпочитают сплетни и пересуды. Поскольку в Шотландии дождливо, люди проводят в последних больше времени.

— Ты куда собираешься? — спросила я, когда Фрэнк спустил ноги с кровати.

— Страшно не хочется разочаровывать старушку, — ответил он и, усевшись поудобнее на краю древней кровати, принялся раскачиваться взад-вперед.

Кровать пронзительно закричала. Пылесос в прихожей резко умолк. Поскрипев минуту или две, Фрэнк театрально застонал и с размаху откинулся назад, так что пружины зазвенели. Я захихикала и уткнулась в подушку, чтобы не спугнуть притаившуюся за дверью слушательницу. Фрэнк нахмурил брови.

— Ты должна биться в экстазе, а не хихикать, — прошипел он. — Иначе она решит, что любовник из меня никудышный.

— Тебе следовало бы уделить этому больше времени, чтобы услышать экстатические стоны. За две минуты ничего, кроме хихиканья, не получишь.

— Бессердечная ты развратница! Прошу не забывать, что я приехал отдыхать.

— Ты лентяй! Если не будешь работать, на твоём генеалогическом древе никогда не вырастет новая ветвь!

Страсть Фрэнка к генеалогии стала еще одной причиной, по которой мы выбрали Шотландию. Если верить одному потрепанному клочку бумаги — Фрэнк везде носил его с собой, — то один из его занудных предков чем-то занимался в этих местах то ли в восемнадцатом, то ли даже в семнадцатом веке.

— Если я превращусь в засохший сучок на моем фамильном древе, то повинна в этом будет наша неутомимая хозяйка. Ведь мы женаты почти восемь лет. Фрэнк-младший может быть зачат на вполне законных основаниях и без свидетелей.

— Если он вообще будет зачат, — мрачно добавила я, вспомнив о разочаровании, которое мы пережили за неделю до отъезда.

— Воздух здесь бодрящий, а питание регулярное. Чем еще можно помочь делу?

Позавчера на обед подавали жареную сельдь. Вчера на ланч — соленую, а сегодня на завтрак, судя по запаху из кухни, должны были подать копченую.

— Если не хочешь дать миссис Бэйрд еще один повод для нотации, — сказала я, — то тебе, пожалуй, пора одеваться. Ты ведь, кажется, должен встретиться с пастором в десять?

Достопочтенный доктор Реджиналд Уэйкфилд, местный викарий, обещал дать Фрэнку изучить невероятно увлекательные записи о крещениях, не говоря уже о блестящей перспективе откопать в архивах какие-нибудь ветхие офицерские списки или хотя бы упоминание о пресловутом предке.

— А как звали твоего прапрапрадедушку, который ошивался в этих краях во время одного из восстаний? — спросила я. — Не могу вспомнить: Уилли или Уолтер...

— Вообще-то его звали Джонатан.

Фрэнк в целом спокойно относился к тому, что я не проявляю интереса к истории его семьи, но постоянно был наготове, чтобы воспользоваться малейшим любопытством с моей стороны для сообщения фактов о генеалогическом древе Рэндоллов. Он застегивал рубашку, а в глазах уже зажегся фанатичный блеск увлеченного преподавателя истории.

— Джонатан Уолвертон Рэндолл — Уолвертоном его называли в честь дяди по матери, рыцаря из Суссекса. Но он был известен под лихим прозвищем Черный Джек, которое он получил в армии, думаю, как раз во время службы в этих местах. Я упала ничком на постель и изобразила храп. Фрэнк, не обращая на меня внимания, продолжил свою лекцию:

— Он купил патент на офицерский чин в середине тридцатых годов, я имею в виду тысяча семьсот тридцатых, и стал драгунским капитаном. Судя по тем старым письмам, которые отправила мне кузина Мэй, он нес службу отлично. Недурной вариант для второго сына. Младший из троих братьев, согласно традиции, стал викарием, но о нем мне пока не удалось много узнать. Во всяком случае, Джек Рэндолл получил похвалу от герцога Сандрингема за свои действия накануне и во время событий сорок пятого года, то есть второго якобитского восстания. — И добавил снисходительно, чтобы убедиться, что невежественная аудитория в лице меня вла-

деет контекстом: — Ну ты же знаешь, Красавчик принц Чарли и вот это все¹.

— Не уверена, что шотландцы до конца осознали, что они проиграли в тот раз, — заметила я, усаживаясь на постели и пытаясь привести в порядок волосы. — Вчера в пабе слышала, что бармен называл нас «сассенах».

— А почему нет? — благодушно отозвался Фрэнк. — Это всего-навсего означает «англичанин» или, в крайнем случае, «чужак», а мы и есть чужаки.

— Я знаю, что это означает. Мне не понравился его тон.

Фрэнк порылся в ящике стола в поисках своего ремня.

— Он просто обиделся. Я сказал, что эль у них слабый. Потому как, видишь ли, в бочку с настоящим шотландским элем полагается бросить для крепости старый башмак, а готовый продукт процедить через хорошо поношенную единицу нижнего белья.

— А-а, так вот что повлияло на сумму счета!

— Я выразился даже более деликатно потому, что в гэльском языке² нет слова для штанов или трусов.

Я потянулась за собственными трусиками, заинтригованная.

— А почему нет? Разве шотландцы в старину не носили нижнего белья?

Фрэнк покосился на меня.

— А ты никогда не слышала песенку о том, что носит шотландец под своим килтом?

— Надеюсь, что не панталоны до колен, как настоящие джентльмены, — сухо заметила я. — Может, мне, пока ты развлекаешься с викарием, поискать местного любителя национальной одежды и спросить у него?

— Пожалуйста, только постарайся, чтобы тебя не арестовали, Клэр, декан колледжа Святого Гилберта вряд ли это оценит.

Я не встретила ни одного шотландца в килте, который слонялся бы по городской площади или посещал местные магазины. Но там были другие люди, в основном домоправительницы вроде миссис Бэйрд, совершающие покупки. Они громко болтали и обменивались сплетнями; их дородные фигуры, облаченные в платья из набивного ситца, делали атмосферу в магазинах какой-то особенно уютной и теплой на контрасте с холодной морозью снаружи.

¹ Красавчик принц Чарли — одно из прозваний принца Карла Стюарта (1720–1788), или Младшего претендента, возглавившего якобитское восстание (1745–1746). Якобиты — сторонники короля Якова II (правил в 1685–1688 гг.) и его наследников. (Здесь и далее прим. пер.)

² Гэльский (гаэльский, шотландский, эрский) язык — один из кельтских языков; распространен в Северо-Западной Шотландии. По происхождению — диалект ирландского языка.

Поскольку собственного дома у меня не было, то покупать мне было почти нечего, но разглядывание товаров, вновь в изобилии появившихся на полках, доставляло удовольствие. Мы так долго жили по карточкам, обходясь даже без таких необходимых вещей, как мыло и яйца, а уж о малейшей роскоши вроде одеколona «Голубой час» и говорить нечего.

Я задержалась у витрины магазина товаров для дома: там были вышитые чайные скатерти и салфетки, кувшины и бокалы, комплект форм для выпечки и набор из трех ваз.

Ваз у меня никогда не было. Во время войны я жила в общежитии для медсестер, сначала в госпитале Пемброк, позднее — в полевом госпитале во Франции. А до войны мы нигде не жили подолгу и потому собственного жилья у нас не появилось. Купи я себе вазочку, дядя Лэмб наполнил бы ее своими древними черепками еще до того, как я оказалась бы рядом с букетом маргариток.

Квентин Лэмберт Бошан. Кью — для студентов-археологов и для друзей, доктор Бошан — в ученых кругах, которые были для него всем. Но для меня всегда только дядя Лэмб. Единственный брат моего отца и мой единственный живой родственник, я свалилась на его голову пятилетней девочкой, когда мои родители погибли в автокатастрофе. В то время он как раз планировал путешествие на Средний Восток, все отложил, чтобы устроить похороны, продать имущество родителей, а меня поместить в хорошую школу-интернат для девочек. «Помещаться» в эту школу я отказалась наотрез. Дядя Лэмб ненавидел личные конфликты любого рода; столкнувшись с необходимостью отдирать мои пухлые пальчики от двери автомобиля и насильно волочить меня по ступенькам в школу, он устало вздохнул, пожал плечами и выбросил из окна машины свои благие намерения вместе с моей новой соломенной шляпкой.

— Жуть какая, — пробормотал он, глядя в зеркало заднего вида на то, как шляпка весело катится по дороге, пока мы набираем скорость, удаляясь в противоположном направлении. — Всегда ненавидел дамские шляпки. Любые. — Он сурово посмотрел на меня и добавил: — Запомни одно: ты не будешь играть моими персидскими резными статуэтками. Все что угодно, только не это. Поняла?

Я удовлетворенно кивнула. И поехала с ним на Средний Восток, потом в Южную Америку, а потом еще в самые разные уголки мира. Я научилась читать и писать по заголовкам в журналах, научилась копать уборные, кипятить воду и делать еще множество вещей, совершенно не подходящих для девицы хорошего происхождения, и занималась всем этим, пока не встретила красивого темноволосого историка, который приехал к дяде проконсультироваться по поводу возможных связей между французской философией и египетскими религиозными обрядами.

Но и после нашей свадьбы с Фрэнком мы вели кочевой образ жизни, типичный для молодых ученых, которым приходится жить либо в гостиницах во время научных конференций, либо в съемных квартирах. Потом началась война, Фрэнк попал в офицерскую школу, а оттуда в разведгруппу МИ-6, а я поступила в школу медсестер. И хотя мы женаты почти восемь лет, нашим первым собственным домом будет новый дом в Оксфорде.

Крепко зажав сумку под мышкой, я вошла в магазин и купила вазы. Я встретила Фрэнка на Хай-стрит, у поворота на Джирисайд-роуд, по которой мы пошли вместе. Увидев мои покупки, он приподнял брови.

— Вазы? — улыбнулся он. — Замечательно. Наконец-то перестанешь засовывать цветы в мои книги.

— Это ведь не одно и то же, в книгах у меня образцы, нечто вроде гербария. Ты же сам предлагал, чтобы я занялась ботаникой. Раз уж я больше не медсестра, нужно найти себе какое-то увлечение.

— Верно. — Фрэнк одобрительно кивнул. — Но я не предполагал, что каждый раз, как открою справочник, мне на колени будет сыпаться сушеная зелень. Что это за сорняки ты положила в Таскама и Бэнкса?

— Горец перечный. Помогает при геморрое.

— Готовишься к моей близкой старости? Как это предусмотрительно с твоей стороны, Клэр!

Смеясь, мы вошли через калитку во двор, и Фрэнк остановился, чтобы пропустить меня вперед по узкой лесенке к входу.

Внезапно он схватил меня за руку.

— Постой! Не наступи.

Я остановилась, занеся ногу над большим коричнево-красным пятном на ступеньке.

— Странно, — сказала я. — Миссис Бэйрд скоблит и моет эти ступеньки каждое утро, я видела. Как думаешь, что это?

Фрэнк наклонился пониже и опасно принюхался.

— В общем-то, кажется, это кровь.

— Кровь! — Я отступила на шаг. — Чья? — И с беспокойством заглянула в дом. — Думаешь, с миссис Бэйрд могло что-то произойти?

Я не могла себе представить, чтобы наша чистюля-хозяйка добровольно оставила кровавые пятна сохнуть на ступеньках возле двери. Исключение — произошло нечто чрезвычайное. На секунду представила, что в гостиную ворвался маньяк-убийца с топором в руках, готовый на нас наброситься.

Фрэнк покачал головой. Приподнявшись на цыпочки, заглянул через забор в соседний дворик.

— Вряд ли. У Коллинзов на пороге точно такое же пятно.

— Правда?

Я подошла к Фрэнку — во-первых, мне и самой хотелось посмотреть через забор, а во-вторых, я нуждалась в моральной поддержке.

Трудно представить себе Шотландию в качестве сцены для серийных убийств, но преступники такого рода вряд ли руководствуются логикой при выборе места.

— Это все как-то... неприятно, — заметила я. На соседнем участке тоже не было никаких признаков жизни. — Как ты думаешь, что случилось?

Фрэнк сдвинул брови и задумался. Вдруг его осенило, и он с досадой хлопнул себя по ноге.

— Кажется, я понял! Подожди секунду.

Он бросился к калитке и выбежал на дорогу, оставив меня в полном недоумении стоять возле крыльца. Вернулся он очень скоро, просветленно сияя.

— Да, пожалуй, я прав, так и есть. Такие же пятна возле каждого дома на нашей улице.

— Ну и что это значит? Визит маньяка?

Я говорила резковато: разнервничалась, оставшись наедине с огромным кровавым пятном.

Фрэнк засмеялся:

— Нет, это ритуальная жертва.

Он опустился на четвереньки и уставился на пятно с большим интересом. Его объяснение звучало не намного утешительнее, чем маньяк-убийца. Я присела на корточки рядом с Фрэнком и понюхала пятно. Для мух было еще рано, но возле высыхающей лужи сидели два больших шотландских комара.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я. — Миссис Бэйрд добропорядочная христианка и исправно ходит на службу, ее соседи тоже. Здесь все-таки не жертвенный холм друидов.

Фрэнк поднялся и отряхнул брюки.

— Все-то ты знаешь, милая моя. А между тем нет другого такого места на земле, где магия и колдовство так прочно входили бы в повседневную жизнь, как здесь, в горной Шотландии. Церковь церковью, но миссис Бэйрд все равно верит в Старый Народец, и ее соседи тоже.

Кончиком начищенного ботинка он показал на пятно.

— Это кровь черного петуха, — объяснил он. — Дома совершенно новые. Сборные, фабричного производства.

Я посмотрела на него довольно холодно.

— Если ты считаешь, что все объяснил, то ты заблуждаешься. Какая разница, старые это дома или новые? И куда все люди пропали?

— Думаю, они в пабе. Пойдем посмотрим?

Фрэнк взял меня за руку и повел к калитке, а потом вниз по Джири-сайд-роуд.